

Что такое отстающий колхоз

То, о чем я тут рассказываю, относится не к одному лишь колхозу; не к одному хутору, а поэтому я изменил фамилию и названия.

Иван Иванович Костылев в свое время в колхоз за всеми не пошел. «Погляжу с берега, как людей на воде понесет к лучшей жизни».

Один на весь хутор Верный остался он бюрократ в своем доме под белой пинковой крышей, как на острове, затопленном вешним разливым коллективизации. Дом Костылева, и правда, стоит на самом берегу, купавшемся в ледяном озере в Дону, несущем мимо двора свою воду не замутненную воду.

Наружностью и в разговоре Иван Иванович ласковый, тихий. Вежливое обращение его с людьми вошло уже на хуторе в поговорку. «Люблю с ним дело иметь», — хвалился мне председатель колхоза, — «голоса не возмущает». «Он вежливо и шуруете», — заглазно добавляла присутствующая при этом разговоре в праздничной заля на язык колхозница с Верного хутора Дарья. «Ну, ты всегда так, Дарья», — сердито оглянулся на нее председатель.

— Какие же могут быть дела у колхоза с единоличником Костылевым?

— Разные, — уклончиво поспып председатель. — Незаменимый, одним словом, человек.

— Скорее и по хутору нагнем пущит, — не утерпела, снова встала Дарья. И опять вызвала осуждающий взгляд председателя. Вытержась, только чуть поведла а сторону бровей.

Живет, как уже сказано, Костылев на берегу, и ничего не стоит ему выйти за день несколько раз на крыльцо своего дома и взглянуть на колхозные дойки, тут же покачивающиеся под его двором на прачах. За это начисляет ему колхозный счетовод 75 сотых трудовая каждо-дневно. Попутно в моторный баркас сельскохозяйственного техникума обласкает Иван Иванович хозяйственным взглядом.

Взгляда его обиходит техникум в 120 рублей в месяц. Когда же потребуются Костылеву, то по условью, не списывая, он один наперед возит на техникумовском баркасе с заводского огорода свою кукурду и картошку и — целыми конями — луговое сено.

Сена ему нужно много. В колхозах на Костылевском дворе уже стоят осыки стога — чуть поменьше, чем на колхозной ферме. Еще и этого, бывает, не хватает. Зимой напередает на припасенных за Дном притрушенных сеном колен в везет на сенокос. Завел трое молодых коров. С полектара полагающегося ему, как единоличнику, дуга их не покрывают, и Костылев выкручивается. Всю зиму, даже в беспримельные годы, коровы жуют у него во дворе луговое сено. Пет, он не ворует, ни одной былинки не возьмет чужого. Сделал себе добротный, на дубовых колесах, развоз и, как только схватит с ледового забайки вода, забрасывает его на Дов. В горячее время сенокоса прибегают к Костылеву из дворов бригад лави. «Не на чем, Иван Иванович, вывезти сено», — «Вот же чуваки», — смеется Иван Иванович, — там же у меня где-то развоз без дела, пользуйтесь».

Пережлав время, едет за Дном: «Где бы мне сена развезти?», — спрашивает у бригадирку дуговой бригады. «С дугорой дугорой, Иван Иванович, вы доброту не забываете, беря, сколько увезете», — великодушный разрешает бригадир, — может тебе и вывоз дадут?»

От быков Костылев скромно отказывается. Зачем ему быки, когда свой колхоз стоит у него в сарае. Быки-то и не робкоголовые, да лучше своего. Есть в хуторе одна научная, по виноградарству, контора, а в той конторе — единственный мерил. Некуда было конторе принять этого мерил, спасибо, похитрил Костылев. Растроганный его бескорыстием, начальники конторы доверили ему мерил на полное хозяйское усмотрение. На этот раз Иван Иванович не отказался. И наловил не плати, и погонил, сколько хошел...

Одну корову он на себя записал, двух других — на невестку, живущих не с ним, где-то в городе. Почти через три года в сельсовете рассмотрели до закона. Призвали Костылева, вернувшись из совхоза, он хмуро повелел жене, что двух последних коров приказали продать. «Слава богу», — обрадовались занурившиеся в ухаживание за тремя коровами женой, — они же из меня все жалы вытянули».

Позавчера Иван Иванович, закричал на жену, застучал ногами. Все же звук коров в вечеру следующего дня провоз, взяв за них с сельскохозяйственного техникума сень с половиной тысяч рублей, остался не в убытке.

Зимой Иван Иванович постукивает у себя в мастерской молотком, гнет хуторянам из жести — по 150 рублей за штуку — печные короба, делает колхозу ветра — по четверти трудовая за каждое. У соседних домов за ремонт дома, кроме денег, выговорил кровать с пуховой периной. Своим дом черепицей, притириваете аблоками из саза. Даже по парижности, по выхождению белым, из румянца лез, усам выпало, что живется ему неплохо.

Ранней весной отрывали в колхозном саду виноград, ставили новые сажи и подвязывали к садам лозы, еще пахнувшие прелыми земляным духом.

Работа эта требует быстроты, пужно

Анатолий КАЛИНИН

успеть поставить на опоры виноград, пока не брызнула из соревшихся под вешним солнцем лоз молодая зелень. Обычно в это время все колхозники хутора Верного на несколько дней переселяются в сады. Так было и в этот раз.

Засаживенный виноградом склон сузил простор виноградного бугра при первых проблесках утра усеялся платками жгущая в шапках мужчин, вышедших отряпать пролежавшие всю зиму в земле лозы и подвязывать их к опорам. Работали дружно, продираясь в междурядьях виноградника от куста к кусту, в гору. Не утерпел и мой сосед Николай Иванович, пришел в сад, с трудом перебрав ревматические ноги.

— И чего вас, дедушка, носит, али не упрямился без вас? — с досадой укорила его Дарья, работавшая зельевое в садоводческой бригаде.

— Вот и нет, — возразил ей Николай Иванович. И, достав из кармана заготовленное с вечера лыко с молодого вяза, стал привязывать им лозы к сгеге.

Привязав лозы, отыгаться никто не хотел. К полуночи закончили нижнюю, прилежавшую к Дону, часть сада и перешли в верхнюю. Отлогий склон бугра полнился говором, то в одном, то в другом месте схватывался смех. Больше всех перекешивался Дарья.

Лишь один человек, из всех находившихся в это утро в саду колхозников, не работал. Это был плетистый, невысокого роста мужчина в льняной шапке. Вначале я решил, что это бригадир или агроном, заблудившийся за работой.

Кроме льняной шапки, на нем были надеты новая ватная стеганка и армейские сапоги с ушлами. Зачем-то держал он в руке маленький, с нахром, кнутик, похлопывая им себя по голенищу. То, закуривая, садился на присеке под оттаявшую лозу, еще вербу, то развешивал похаживал в междурядьях сада, заглядывая в кусты работающих, не разбавляя сланы. Женщины, жевшие его шутки не принимая. А один раз Дарья, с которой он заговорил было игривым тоном, сердито его оборвала:

— Ты бы, Филипп, взял, как другие, лопату.

— Хворый я, — сутуло повел плечами мужчина.

— Как осенью вино пить — здоровый, — напомнила ему Дарья.

— Так то вино. И сторожевая моя должность мне не позволяет, — отходя от Дарьи, попробовав отговориться мужчиной в льняной шапке. Но не так-то, видно, легко было отделиться от проворной на работу п на язык солдата.

Знаем, — жестко бросила она, поднимая голову и разбавля поясницу. — Для колхоза, Филипп Селепов, тебе всегда и доверия, и должности не позволяют. А завтра, как нас тут не будет, ты в саду среди корей будешь свой огорог развешивать — рубашка вопреит. Знаем, за какую выгоду при молодых детях в сторожа записался.

Тот, кого Дарья называла Филиппом, дернулся от этих ее слов, как от удара кнутом, распрямился. — Существовала глупая за его черным огнем полосу по лопу голубатки. Но он ничего не сказал, и, как-то странно заводя одно плечо вперед, быстрыми шагами ушел на другую половину сада.

Провожая глазами его плотную, с обвисшими плечами фигуру, припомнил я, как когда-то еще назвал видела мужчину в льняной шапке выжидающим из разлыва Дарья бревна. Где-то в верхних полторах привратило наплывший за зиму строительный лес, и поплыл по течению шестиметровые вербы и вязы. Зацепив из лозки веревкой бревно, Филипп Селепов потянул его к берегу и, взяв из без потерь помощи на плечо, черня от пату, тащил и своему лому. Немота на свою хутору не мешала, лотема хлестала в студеную ледовую воде, носил на себе огромные, отяжеленные от сырости стволы деревьев. Натаскав бревна, он загорюзил весь двор, гора на три вперед обесцвечивая себя заронным топаном.

Вечером, медленно возвращаясь из сада лодой рядом с Николаем Ивановичем, узнал я и другие подробности из жизни Филиппа Селепова.

До колхоза имел он четыре пары огромных — рогов не достаются — быков, а в колхозе пришег записывался немущим, с одним кнутом на красном карачевном кнутишке. Может быть, еще с тех дней и сохранился у него этот самый кнут, каким он сегодня похлопывал себя по голенищу, расхаживая в междурядьях сада...

Здоровый тридцатилетний мужчина, он с первого дня записавшись в колхоз на стариковскую должность — сторожм виноградарства сада. Став выпивать; полегчал в тепе узорной ластик, скучая. Ветер оторвет от слез лозу, Филипп будет сидеть и ждать, когда кто-нибудь из колхозников придет и поинтересуется.

Но не одно стремление отяжелится «под откосом жизни» тает Филиппа под ластиком сень винограда сада...

Дарья говорила правду. Вспел, как только оттаял на крутом склоне земля, Филипп и его жена начинают сажать средние кусты винограда бахчу и огорог. Соток

здесь учитывать никто не догадается, засади хоть весь сад. На открытом лучам солнца в близком склоне хорошо вызревает и капуста, и арбузы, и дыни.

К осени же, когда поспевают виноград, жена Филиппа чаще навещает к мужу в сад с корзинкой. Тест Филиппа выкатывает из погреба на середину двора сорокаверевную бочку, осматривает в заменит прижавшие обручи. Натуральное вино из зельского винограда и крепкое, и вкусное. Кто-то подсажал тот виноград, кто-то отогрел, укрывал землей от мороза. Чье-то поднимал ближе к солнцу на сагах. Чье-то — может, многодетной дворовой слатки Дарья? — здоровье поинтересуется Филипп Селепов, принада из праздничка к круж...

От Верного всего восемь километров до станицы, где находится райком партии. А нити подпольной правобережной бугор, под куряном осевшим невысокий берег Дона тихими вербами, — это расстояние скрывается в еше наполовину. По в районе вполне удовлетворены тем, что колхоз не на последнее место в аккратно появляющейся на страницах газеты «Новый Дни» патристической сволке.

Если же заглянуть в сводку с тыла, то картина другая. Колхоз хутора Верного небольшой. Всей землей у него с заводским лугом и с виноградными садами сеньсот гектаров. Вот и высказывает он рядом с другими колхозами, имеющими явное и вчетверо больше. А по своим планам и по возможностям развешивать отстает. «И не приснится нашим руководителям переходящие знамя», — говорила на собрании Дарья.

Машущей весной отселились не за восемь, как намечали, рабочих дней, а за девятнадцать. И убирала, когда колхозе «клакнул», уткнулся в землю. Осенью всегза морозы захватывают в степи полинающих зель трактористов. И сады облетят, в бурю опудини молодых сегом, а из степи, по склонам все еще скатывается в хутор тугучий гул тракторных моторов.

В прошлом году поспевали на суровую зиму, оставили за Дном в стогах сено. А Дот так и не замерзла. В декабре пришлось впасть перерывающий свет на ту сторону. И ничто косяли уже перестоявшую траву. Пока собирався заребать и складывать в копы, поплыл липп. Сено вымокло и побесало. Голыти теперь разве только на то, чтобы укрывать коровники и конюшни.

То в колхозе зарежут жеребую кобылу волки, то утонут телата. Исполнять в трудную дисциплину просочилась отагаа разложения. Кто-то, оглянувшись на обороней, на Селепова с Костылевым, и сам стал поближе держаться к присудебному огороду, к берегу частной собственности. Бригадир с вечера по несколько раз обходят дворы, заывают на работу. Крепкие еще здоровые и не старые люди, отходя глаза в сторону, ссылаются на престарелость и немощь, запасаются справками о болезнях, жалуются, что не на кого дома оставить детатек.

Потом, видный, и престарелый человек кинет за Дном на своей индивидуальной делянке сено. И немощный лент во дворе кирпичи сама из глянз, смешанной с пазом, — что-то закупаля строить. И укрывавшая за синей дельтеей женщина поинесла к пристани на коромысле корзину, плетенные из талы корзинки с помидорами.

Но Дарья не сдается, шумит и в правлении, и в степи, и в садах, грозится вывести обороней на чистую воду. Зато же и ненавидит она Дарью, заглазно нахут дегтем яма солдата, плетут вокруг все ссти темных слухов.

Коварная эта вещь — сволка. Заместует она глаза шному руководителю, и не замечает он, как уже проценты замешан ему живых людей. Начинает воспринимать события и факты не так, как они есть в колхозной действительности, а «на фоне». Резе бывает на местах, а если бывает, то только на собраниях. Однако же на каждом собрании в полную меру откровениясти высказываются люди, особенно если не любят в колхозе критику. Да в как может быть иначе в отстающем колхозе? Не хромал бы он, не отаежал бы его тузельцы, если бы там громко ажуал голос колхозной демократии.

А ний человек и не рассказывает на собраниях того, что рассказав бы дома, где и степи помогают. Такой на людях из застенчивости, из врожденной скромности поминает, не спешит отворять душу. Чаще всего у него имено и есть что рассказать, духовный мир его просторен, глзз за зорие.

Всегда да секретарю райкома, приезжая в колхоз, следует начинать с вежливостей правления? А если зайти с другого края, направить свои секретарские стопы к канцелярии колхозного двора и неспеша, запросто обйти зьян, другой дом в третий. В штипном, душевном разговоре за семейным столом рассказав бы ему зьянвевая Дарья, старый колхозник Николай Иванович и другие о таком, чего не расскажут вежливости в сводке, в том числе и о юросте, обесшвыи телью их отстающего колхоза...

Народ не любит колхозы, гонит его зелье из колхоза, и все же встречаются еще такие, подобные хутору Верному, где тупедду живется выгодно.

О «Конвейере диссертаций»

Улучшить или изменить порядок подготовки и аттестации научных кадров

Статья «Конвейер диссертаций», опубликованная в порядке обсуждения в № 50 «Литературной газеты», вызвала большое количество откликов.

Редация получила из разных концов страны около трехсот писем и статей, в которых научные работники всех категорий — от аспирантов до действительных членов академии наук — излагают свою точку зрения на нынешнюю практику подготовки научных кадров и присуждения ученых степеней.

Уже один только список десятков городов, откуда прибыли письма, красноречиво говорит о большом значении поднятого вопроса и о том постинке хозяйского внимания, которое советская интеллигенция проявляет к государственным и общественным делам.

В большинстве писем высказывается мысль, что почтенная степень кандидата должна быть заслужена плодотворным творческим трудом, обогащающим, дающим вперед науку. Если же труд — диссертация — пишется ради получения ученой степени, которая превращается в самоцель, такой труд чаще всего бывает бесполезен для науки и не представляет ценности для практики. Немало таких диссертаций, нужных лишь их авторам для получения степени, похоронено в архивах.

Существующий порядок присуждения степеней, судя по многочисленным фактам, сообщаемым читателями, имеет много недостатков, и, по общему мнению, вопрос о необходимости пересмотра этого порядка стоит совершенно и правильно.

О серьезных недостатках в практике подготовки научных кадров говорится во всех письмах. Многие читатели указывают причины, их порождающие, предлагают меры для их устранения.

В чем же эти причины? Большинство авторов писем выдвигает в качестве недостатков аспирантуру и системы присуждения ученых степеней. Именно эти несовершенства, а также либеральное, зачастую даже безответственное, отношение к делу научных руководителей и оппонентов создают известную легкость для проникновения в науку неимелого числа людей, не способных к научному творчеству. Мнения расходятся лишь в вопросе о том, как устранить эти недостатки, — нужны ли коренные изменения, или же можно ограничиться только улучшением существующего порядка.

Многие читатели (действительный член Академии наук Грузинской ССР К. Завриев — Тбилиси; доктор наук К. Пангалло — Тирасполь, В. Егоренко, К. Сивков — Москва; кандидаты наук П. Коромов — Ленинград, С. Рапопорт — Харьков, Ф. Зорин — Сочи; генерал-лейтенант в отставке П. Юнов — Москва; инженер Г. Мотершигаль — Безмякиня и многие другие) согласны с т. Френкелем и Конюсом, что необходимо более строгий отбор и более компетентная оценка научных достижений соискателей. В их письмах говорится, что право присуждения ученых степеней следует передать специалистам (подконтрольным ВАК), состоящим из крупных ученых, а также ввести периодическую перестановку научных работников. Кроме того, высказывается мнение, что необходимо заменить аспирантуру ассистентурой.

Другая часть читателей (мелкая (проф. В. Исаев — Псков; кандидаты наук Н. Власов, А. Осипов, Л. Новик, А. Ревенко, А. Розанов, Л. Литвак — Москва; Г. Юдин — Фрунзе; Л. Бурштейн — Ленинград и др.) находят, что авторы статей слишком мрачными красками рисуют действительность, преувеличивают значение «шотка» плохих диссертаций, принимают частное за общее и опорочивают всю систему подготовки научных кадров. В ряде писем отмечается, что на некоторых предложениях т. Френкеля и Конюса лежит печать кастовой замкнутости. Предлагаемый ими порядок присуждения степеней

(ОБЗОР ПИСЕМ)

не без публичной защиты может закрыть доступ в науку для молодежи и в то же время отнюдь не будет гарантировать от возможности необъективной оценки достижений соискателей. По мнению этих авторов писем, периодические проверки научных работников и лишение ученых степеней лиц, творчески не работающих, не оправданы и не нужны.

Остальные читатели (доктор наук М. Силорин — Москва, Д. Шаргородский, М. Давыдов — Ленинград; проф. И. Мошковский — Фрунзе; кандидаты наук С. Ткаченко — Москва, В. Латченко — Бельм, И. Мошков — Сталинабад; врач И. Гольцгер — Стрый; доцент А. Кузнецов — Ташкент; инженер-майор Н. Шило — Дальний Восток; аспирант В. Юрчук — Киев; доцент Зельский — Харьков и др.) считают, что, несмотря на то, что тт. Я. Френкель и Э. Конюс допустили слишком широкое обобщение, преведие их к односторонним выводам, они, безусловно, правы в главном: нынешний порядок присуждения ученых степеней и подготовки научных кадров требует серьезных улучшений. Эта группа читателей не согласна с предлагаемыми тт. Френкель и Конюс организационными мерами и считает, что нужно не разрушать, а совершенствовать существующую ныне систему.

Каков же итог обсуждения? Редация суммировала высказывания и наиболее целесообразные, практически выполнимые предложения читателей.

Подготовку и аттестацию научных кадров необходимо вести на основе самой строгой и принципиальной критики и самокритики. Именно за это должна бороться вся научная общественность. Только при этом условии будет закрыта лазейка в науку для авторов слабых, недостойных работ, для «любителей» степеней.

Степени должны присуждаться только тем, кто уже создал и способен создавать в дальнейшем действительно ценные работы в теории и практике научных трудов. Критерием, которым должны руководствоваться оппоненты и те, кому доверено право решать вопрос о присуждении степени, может быть только научная и практическая ценность данной работы, ее идейная направленность, патристичность, общенациональная принципиальность.

Существующую сейчас систему подготовки научных кадров через аспирантуру, по мнению читателей, надо сохранить. Но комплектовать аспирантуру следует в основном из лиц, уже научившихся применять свои теоретические знания. На практике, т. е. проработавших по окончании вуза не менее 3 лет. С молодыми специалистами, проявившими в вузе наклонности к научной работе и направленными на практическую работу, вузы должны поддерживать тесную связь. Из их числа и следует черпать резервы для аспирантуры. При приеме в аспирантуру необходимо более строгий отбор, основанный не только на экзаменационных оценках. Аспирантуру нужно освободить от духа ученичества, предоставить будущим ученым возможность заниматься исследовательской работой, углублением своих теоретических знаний. Аспирант должен быть не только учеником, но и ассистентом своего научного руководителя, который обязан развивать в нем необходимые научные качества.

Кандидатские экзамены должны выявлять не только фактическое знание предмета (некоторые предлагают расширить «минимум» за счет гуманитарных дисциплин), но и способности соискателя к широкому научному мышлению. Слав кандидатские экзамены и написав 3-4 научных реферата по изучаемой

проблеме, аспирант может получить только звание младшего научного сотрудника и должен быть направлен на научно-исследовательскую работу по избранной им специальности. Находясь уже на этой работе, разрабатывая важные для теории и практики темы, молодой научный работник может написать свою кандидатскую диссертацию. Такая система позволит сократить срок аспирантуры до 1½—2 лет и приблизит к тем жизни научную молодежь.

Кадры научных работников должны пополняться за счет специалистов-практиков, ведущих исследовательскую работу на предприятиях, разрабатывающих новые методы и дающих вперед технику, математику и т. д. Министрство высшего образования должно помочь им в повышении их теоретических знаний через систему специальных курсов, семинаров, заочной аспирантуры, которую необходимо значительно расширить. Соответствующие научно-исследовательские институты должны привлекать таких специалистов-практиков, являющихся к научно-исследовательской работе, в качестве своих внештатных сотрудников и руководить их деятельностью.

В существующий порядок «присуждения ученых степеней, из лояла его, необходимо внести, по мнению большинства читателей, значительные коррективы.

Прежде всего определением института, в котором будет защищаться диссертация, должен заниматься не соискатель, а Высшая аттестационная комиссия. Кандидатские экзамены соискатели должны сдавать в том же институте, в котором защищается диссертация.

Следует увеличить количество официальных оппонентов. Диссертант должен быть лишен возможности выбирать оппонентов и влиять на их мнение.

Присуждая степень, необходимо учитывать всю научную деятельность соискателя. Присуждение степени должно означать признание научных заслуг человека.

Защита диссертации должна остаться публичной, но быть подлинным научным диспутом. Участвовать в диспуте-защите должны не только ученые, но и специалисты-практики, новаторы производства. Чтобы обеспечить такой характер защиты, необходимо рассматривать диссертации на открытых заседаниях специализированных ученых советов, где о достоинствах и недостатках работы будут судить только компетентные в данной отрасли знатцы люди. Высказывая пожелания, чтобы наряду со специалистами-теоретиками правом решающего голоса могли бы пользоваться крупные специалисты-практики.

Следует изменить также процедуру государственного — весте мство тайного государственного, т. е. ставить на бюллетень имена членов совета. Это позволит ответственности голосующих и даст возможность контрольному органу ВАК выяснить мотивы того или другого решения. Диссертация, собравшая больше ¼, но меньше ½ голосов, должна передаваться ВАК на новое рассмотрение в другой институт.

Необходимо также решительно улучшить работу ВАК, медлительность в бюрократичности которой приобрела печальную известность в научных кругах. Следует установить твердые сроки проверки диссертаций и окончательного утверждения в ученой степени, так как сейчас процедура эта длится годами.

Такое мнение наших читателей — представителей научной общественности, которые редакция считает вполне заслуживающим внимания. Министерство высшего образования должно сказать свое слово и принять действенные меры для того, чтобы система подготовки и аттестации научных кадров соответствовала тем высоким задачам, которые стоят перед советской наукой.

БОЛЬШЕ БУМАГИ СТРАНЕ!

МАРКА УКРАИНЫ

Полптовский бумажный комбинат — первенец украинской бумажной промышленности.

Еще видны свежие следы немецких разрушений, по разном уже вырастают новые пещи, построена электростанция. Недавно пушена в ход новая бумажная машина, протянувшаяся в длинном зале на несколько десятков метров. Она напоминает прокатный стан, но не металл, а бумага мчится перед нами бесконечным потоком.

В зданиях комбината — строительство еще одного цеха, вызывающего бумагу. Большие высокотехнологичные бумага стране с маркой Украины, больше превосходных тетрадей нашим школьникам — такими мыслями живут стахановцы комбината: в седые каменные рабочие, и новые мастера, вернувшиеся с фронтов Великой Отечественной войны, и молодежь — выпускники ремесленного училища.

Приехав на комбинат, мы — участники бригады писателей Украины, провели интересное совещание старых рабочих. Иван Севицкий, работавший здесь с 1884 года. Назв Лопинский, пришедший на производство 37 лет назад, Филипп Паласа, сотрудник с 48-летним стажем, и многие другие заводчики выступили с рядом значительных предложений. Их крепко поддержала молодежь. Много говорилось о том, что нужно взяться за использование огромных ресурсов соломы, о чем в свое время писал «Литературная газета». Задача дорогостоящей привозной древесины поощлять местным сырьем — это мероприятие огромнейшего значения. На республиканском слете стахановцев украинской бумажной промышленности, который происходил в Полпнках, также неоднократно возникал этот вопрос. Местных специалистов беспокоит вопрос о доставке соломы на фабрику. По это направление не отаежается от перевозок сена.

В 1950 году украинская бумажная промышленность должна дать стране вдвое больше бумаги, чем дала в 1940 году. Как дерочно выполнить эту программу, как добиться коренного улучшения методов работы бумажных фабрик? Обсуждали эти вопросы был посвящен слет бумажников Украины.

Слет показал, что на украинских бумажных фабриках есть еще немало резервов. Высок брак, много дель бумаги второго и третьего сорта, и руководители бумажных фабрик: Полпновский (тов. Гордешин), Малинкой (тов. Ко-

пинский) недооценивают значение борьбы за качество.

С горячие говорили стахановцы на слете о том, что, вследствие неправильной организации труда и нарушения технологических требований, часто снижается качество бумаги.

На фабриках совершенно не уделяется внимания удовлетворению культурно-бытовых нужд рабочих. Как в прошлом, так и в нынешнем году почти не расходуется средства, выделенные на жилищное строительство. Много жалоб на плохую работу магазинов и столовых. Даже на крупнейшем Полпновском комбинате не налажено кинообслуживание рабочих и служащих. Поражает отношение украинского Комитета профсоюза рабочих бумажной промышленности, молча смирившегося неприглядную картину неимамия в культурно-бытовых нуждах масс.

На Украине строятся и должны войти в ближайшие годы в строй бумажные предприятия — Пинские-Днепровская фабрика, Жидачевский бумажный комбинат, Корюковская фабрика мелованных бумаг и для них, как и для действующих предприятий, потребуются рабочие. Но ничего не делается пока для подготовки кадров. Единственное существующее на Украине ремесленное училище, готовящее рабочих-бумажников, не получает необходимой помощи от Укрбумтреста. Такое положение патерпимо! Необходимо срочные меры для упорядочения подготовки рабочих. Вот с какими выводами пришли писатели Украины после пребывания на Полпновской фабрике и на слете бумажников Украины.

Полпновцы взяли на себя обязательство завершить выполнение плана 1948 года до 1-го годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Огромный творческий подем — залог того, что обязательство будет выполнено. Плывет в центре цеха белая река, — это рождаются новые типы бумаги, на которой будут напечатаны новые книги. И этому радуется весь народ. Нужно помочь полпновцам дать больше бумаги стране. Больше отащаной бумаги, на которой стоала бы марка Украины!

Хай сонце сие в тебе чаші! Праториайте пріяті! Ваш чесний труд і спів наші мери ми до шаста двері, в брні незламні й молоді, щоб наше слово на плері Вітчизну славило в труді.

Бригада ССР Украины и «Литературная газета» В КУЧЕР, Ю. МАРТИЧ, С. РОЗУМОВСКИЙ

Скоростная проходка тоннелей

Отечественное тоннелестроение за последние годы достигло значительных успехов. Однако этот вид строительных работ продолжает оставаться наиболее тяжелым и трудоемким.

Инженер К. Романович предложил эффективный способ проходки тоннеля «пропалыванием». Строительством тоннеля таким способом можно сравнить с проталкиванием в земле металлической трубы, снабженной на конне режущими инструментом для разрушения пород.

Проходка начинается с сооружения котлована (пакты), где размещают так называемую рабочую камеру, оборудованную насосом высокого давления и гидравлическими домкратами. В шахту опускается лоповое лесо, а затем, когда под действием домкрата оно войдет в породу, зельными подается железобетонная оболочка тоннеля; ее проталкивают одновременно с направлением режущей частью.

Получается готовый тоннель. Работе при этом только управляют механизмами.

При полной механизации работ скорость строительства тоннелей новым способом будет равна 20 метрам в сутки; это значительно выше скоростей, достигнутых за границей. Выбывающее большое количество рабочих-тоннелщиков.

По способу инженера К. Романовича уже сооружены десятки тоннелей небольшого диаметра. Это принесло большую экономичность и ускорило сроки выполнения строительных работ. Сейчас новый способ скоростной проходки находит применение при сооружении тоннелей большого диаметра и протржениости.

По следам неопубликованных писем

МАРИУПОЛЬ — КНИГИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Клоскер Союзпечати Мариупольского порта Гладира Корниенко прислала в редакцию письмо о том, что ее книжк получает мало книг на русском языке, и потому она не может удовлетворить запросы читателей. И. о. заведующего отделом печати ПР КД(У) тов. Сыромолотовский сообщил, что факты, указанные в письме Гладиры Корниенко, подтвердились. По инициативе Сталинского областного отделения Союзпечати клоск Мариупольского порта действительно получал до сих пор мало книг на русском языке.

Сейчас, по ходатайству республиканского отделения Союзпечати, клоск Мариупольского порта будет получать литературу на русском языке непосредственно из Москвы. Сталинскому областному отделению Союзпечати указано на недостаточность в снабжении литературой клосков районных городов, в том числе Мариуполя и Мариупольского порта.

НОВАТОР, КОТОРЫЙ СЭКОНОМИЛ МИЛЛИОН

Металлурги Юга и Урала хорошо знают неустойного рационализатора Ивана Васильевича Костина, создавшего десятки машин и приспособлений, облегчающих и механизующих труд. Сейчас тов. Костин работает на Урале — на Серовском металлургическом заводе.

Директор Серовского завода тов. М. Лукашенко сообщил нашему корреспонденту: — Тов. Костин не имеет никакого инженерного, но он постоянно занимается самообразованием и в 1933 году, будучи механиком доменного цеха, поступил в Днепропетровский металлургический техникум при заводе имени Петровского. В то время Костину было 45 лет.

Рационализаторские предложения тов. Костина начал вносить еще в 1924 году на заводе им. Петровского. Основное направление работы этого талантливого самородка-изобретателя — механизация наиболее трудоемких участков доменного цеха.

Сентябрь 1898 года... Театра еще не было, только здание в Баскетном саду, где хозяйничали пока клоуны и мариолы. Еще неизвестно, как он будет называться. Общественный театр? Драматический театр? Московский театр? Театр общества искусства и литературы? Но уже есть трудящаяся — тридцать девять никому неизвестных актеров, которым судилое прославить русский театр. Уже Цембрич-Данченко репетирует в сторожке дворника роль папа Феола с выпускником филармонии Иваном Москвитиным. Уже Станиславский учитывается в чеховскую «Чайку», а пока еще на полях режиссерского экзамена, рождаются знаменитые впоследствии мизансцены. Уже близится день 14 (27) октября, когда перед первыми артистами Художественного театра раздается приказ и пророчески прозвучит первая реплика трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович»:

— На это дело крепко надеюсь я.
...Шел второй сезон в жизни молодого театра, а Чехов уже с уверенностью утверждал, что «Художественный театр — это лучшее странствие той книги, которая будет когда-либо написана о современном русском театре». Сколько же новых блестящих страниц вписано театром с тех пор!

Пятдесят лет... И каких лет!
Вздумается только в эти слова: Московский Художественный Академический театр Союза ССР имени М. Горького...

Московский...

Этим сказано много. МХАТ — именно московский театр, — и не по местоположению только, а по происхождению, по облику, по размаху, по всему — Московский. Трудно представить себе Москву без МХАТ. Невозможно представить себе МХАТ вне Москвы.

Художественный театр — высшее достижение русского национального искусства, — и не только театрального. Много предостало свершить русскому гению, чтобы стало возможным появление такого театра. Надо было, чтобы Пушкин раскрыл величие русского духа, чтобы Толстой с эпической мощью нарисовал жизнь страны и обозначил шаг вперед в мировом художественном развитии, чтобы от Гоголя и Чехова перешла великая любовь к малому, простому человеку. Надо было, чтобы архаический Федор Волков изобрел любовь в театральном действии, чтобы Фоминский зал был сатирой над невежеством и тиранией, чтобы (Островский) сорок лет создавал репертуар русского театра. Надо было, чтобы юный Глинка прислушался к восторженной русской песне, то грустной, то удалой, чтобы Чайковский сумел положить на ноты точнейшие движения души человека, чтобы Мусоргский порадовал неслыханной силой и драматизмом своей удивительной музыки. Надо было, чтобы Суриков создал свои гениальные исторические композиции, чтобы Репин щедро наделил полотна сотнями русских людей с их горестями и радостями, чтобы Левитан нарисовал краски, способные вызвать все очарование русской природы. Надо было, чтобы Мочалов мог потрясать сердца, чтобы Щепкин открыл законы простоты на сцене, чтобы Стрельцов заставлял зрителей рыдать над горькой судьбой своих обездоленных героев.

Надо было, одним словом, чтобы русский народ создал свое могучее национальное искусство, чтобы выстраивались замечательные традиции лучших русских художников, бесстрашный реализм, верное служение общественным интересам, горячее сочувствие к народной доле. Художественный театр, родившийся на рубеже двух веков, волею в себя впитал чудесные традиции, накрепко связав свою судьбу с судьбой великой отечественной литературы и, в известном смысле, являясь как бы итогом всего предшествующего развития национального русского искусства.

Не случайно первая же заграничная поездка МХАТ в 1906 году принесла театру восторженное мировое признание. Европа увидела в МХАТ самобытных мастеров русского театра, сказавших новое слово в истории мирового искусства.

Сила Художественного театра была в том, что искусство его, зрелище уходило в прошлое, было обращено к будущему. Этим-то и объясняется, что в пору все углубляющегося кризиса буржуазной культуры на Западе в России появился жизнеспособный театр прогрессивных демократических устремлений.

Когда в Москве впервые раздался знаменитый Художественный театр, Владимир Ильич Ленин был за многие тысячи верст от белокаменной столицы — в сибирской ссылке, в Шумском. Только в феврале 1900 года ему удается — я то велегазю — побывать в Москве. И в один из вечеров Владимир Ильич, рискуя быть опознанным полицией, посетил молодой театр. Ровно через год, 20 (7) февраля, выходящий посылать вдали от родины, Владимир Ильич пишет матери из Мюнхена: «Были же вы в театре? Что это за новая пьеса Чехова. Три сестры? Видели ли вы и как назывался? Я читал отзыв в газете. Превосходно играют в «Художественном-Общественном» — от сих пор вспоминаю с удовольствием свое посещение в прошлом году...» (Напомним, кстати, что премьеры «Трех сестер» состоялась всего за неделю до этого письма; как вы помните, сделала Ленин из своего далека за успехами нового театра).

Самая возможность появления такого театра, как Художественный, была обусловлена великими историческими событиями, назревавшими в стране: близилась первая русская революция.

Художественный...

Чтобы понять, какой смысл вкладывали основатели театра в это слово, надо помнить, что поначалу театр назывался «Художественно-общественный». Второе слово по-особому освещает первое. Оно подчеркивает демократический характер на-

правления, которое сразу же взял молодой театр. «Не забывайте, — подчеркивал Станиславский в речи на открытии репетиции, — мы стремимся осветить темную жизнь бедного класса... Мы стремимся создать первый разумный, нравственный общественный театр в этой высокой цели мы посвящаем свою жизнь». Это значит, что театр не замыкался в решении собственно-эстетических задач, не ставил перед собой лишь узко-художественные цели.

Художественный театр открыл новую главу в истории сценического реализма. Его искусство было подлинно новаторским. Мировой театр не знал такого абсолютного подчинения всех средств сценической выразительности единой художественной цели; такого совершенного и безукоризненного ансамбля; такой властной и тонкой режиссуры; такого распределения творческих сил актера. То, что прежде могло быть счастливым уделом немногих гениальных артистов, Художественный театр сделал достоянием всей труппы в целом.

Однако, чтобы понять суть мхатовских новшеств, надо задать себе вопрос: ради чего все это делалось? Ответ мы найдем в дневниковой записи того же Станиславского, сделанной еще в 1889 году, почти за десять лет до создания Художественного театра: «Конечно, тот путь самый верный, который ближе ведет к правде, к жизни. Чтобы идти до этого, нужно знать, что такое жизнь и правда».

Во имя правды, во имя жизни — вот ответ.

Нужен был в казну первой русской революции театр, способный повести правду о душевной и политической жизни, о людях, которые выжили в этой жизни, о людях, которые оказались на самом дне жизни, о людях, которые возмущались голосом надежды и голосом протеста. Надо было кому-то сказать: плохо живете, люди! Надо было кому-то напомнить: человек — это звучит гордо! Надо было кому-то провозгласить: падаете буря!

В этом и была миссия Художественно-общественного театра. Сама история, вызванная в жизнь драматургией Чехова, а затем драматургией Горького, вывела в жизнь и театр, который мог бы воплотить на сцене чеховские и горьковские образы. Мир человека, драматургия была особенно близок молодым художникам. Да, так жить нельзя, — это они знали твердо. А как надо? Что нужно сделать, чтобы изменить тесное жилье? Это они еще не знали, как не знали этого и персонажи чеховских пьес.

Зрители ходили в Художественный театр на «Трех сестер» не как в театр, а как в гости к семье Прозоровых. Так же жили они в усадьбу Сорина («Чайка»), Серебрякова («Дядя Ваня»), Раевской («Вишневый сад»). В чеховских спектаклях на сцене текла самая долинная жизнь — нетерпеливая, ненасытная. Все было как в жизни, — слышно было, как вертелась сверчок за печкой, отбивая время часы на стене, доносился и стук садовой калитки, и звук отъезжающего экипажа, и перестук топоров, рубивших выжженный сад. Здесь все было естественно и вместе с тем захватывало — сказанное и не сказанное, высказанное и невысказанное. Иная пауза была красноречивее слов. Режиссерские экземпляры чеховских пьес испещрены пометками: пауза, пауза, пауза, — любуясь как бы прислушиваясь к тому, что в них происходило, искал слов — я не находил. Но жила в чеховских спектаклях атмосфера предчувствия больших перемен. Как камни, падали тяжелые, тревожные слова: «Холодно, холодно, холодно». Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно». Но ведь было, были и другие слова, от которых расцветала улыбка надежды в зрительном зале. Услышавши была в «Трех сестрах» вешние слова Качалова о надвигающейся буре, услышав был голос Качалова в «Вишневом саду»:

— Здравствуй, новая жизнь!
Если бы заслуга молодого театра была только в том, что он открыл для сцены Чехова, — за одно это он заслуживал бы почетнейшего места в истории русского сценического искусства. Но Художественный театр сделал больше: он превратил свои подмостки для героев Горького.

Трудно переоценить историческое значение этого события: в пору тигришней самодержавной гнет Художественный театр один из первых ставит три пьесы первого и крупнейшего пролетарского писателя — «Мещане», «На дне», «Дети солнца».

Место тоскующих и мучивших чеховских героев занял паровозный машинист Нил, небывалый еще в литературе и на сцене герой. Как приговор истории звучали его спокойные, уверенные слова:

— Вышел! Пама возмет!

Значение Горького в становлении МХАТ кратко и точно сформулировал сам Станиславский: «Главным начинателем и создателем общественно-политической линии в нашем театре был М. Горький».

Период наибольшего расцвета в драматургии эпохи истории Художественного театра совпал (и, конечно же, это не было простым совпадением!) с общественно-политическим революционным подъемом. Годы политической реакции, последовавшие за революцией 1905 года, отразились на театре. Горьковское начало, по признанию Невроу-Данченко, «во время всеобщей реакции начало в театре таять». Театр начинает колебаться в осуществлении своих реалистических принципов, уклоняясь то в аллегорическую условность («Дядя Ваня» Л. Андреева), то в мистическую евангелику (постановка «Гамлет» Горюновым Бромом). В это тяжелое и смутное время театр начинает уклоняться в сторону, ставит «Братья Карамазовы», аннулирует «Биса», что вызывает активный протест Горького.

В самом театре тоже начинают появляться непонятные явления, особенно ко времени начала нового общественного подъема. Большевикская газета

«За правду» (1913 г.) с удовлетворением отмечает в статье «Современный театр и рабочий»: «Станиславский все время носится с мыслью создания театра для огромных народных масс; он внимательно следит за работой одного из режиссеров Художественного театра, Суверенного, который едет сценические занятия с группой рабочих. Чуткий художник ищет новых путей к народу. Ясно, однако, что идея создания «театра для огромных народных масс» не могла быть осуществлена в тех условиях».

Театр подпадал в жестокий репертуарный кризис. В сезон 1915—1916 гг. были показаны только один новый спектакль. В сезон 1916—1917 гг. — ни одного.

В речи на 40-летнем юбилее МХАТ Невроу-Данченко говорил:

— Мы отнюдь не помним и не сознаем, что перед собой Великий Октябрьский революцией мы были в состоянии полнейшей растерянности... Мы все сейчас великомерно сознаем, что если бы не было Великого Октябрьской социалистической революции, наше искусство потерялось бы и заглохло. Искусство Художественного театра не потерялось, не заглохло: грянула революция.

Академический...

Этого высокого звания МХАТ был удостоен в самом начале революции в после пьесы крупнейших театров страны. Это означало признание молодым советским государством огромной культурной и художественной ценности театра. А. В. Дунаевский, бывший в те годы народным комиссаром просвещения, привнес в спектакль знаменательную фразу Владимира Ильича Ленина: «Если есть театр, который мы должны из прошлого до того бы то не стало спасти и сохранить — это, конечно, МХАТ».

Художественный театр принял звание Академического не как охранную грамоту, а как знак народной признательности и народной требовательности. Он не затерял бы театр-музей, демонстрирующий перед новым зрителем сокровища старой театральной культуры. Он не хотел, чтобы его искусство, уже признанное классическим, застыло бы в наивысшем — пусть прекрасном — формах. Он стремился быть современным своих зрителей.

Художественный театр переживал свое второе рождение — рождение советского Художественного театра.

Замечательное поколение людей, свершивших величайшую в истории революцию, зарекомендовали себя Художественного театра. В день десятилетия Октябрьской революции задала подмостками театра: МХАТ поставил «Бронепоезд 14-69» Всеволода Иванова. Художественный театр сумел, по прекрасному выражению Станиславского, «возвратить в революционную душу страны».

Трудно переоценить значение этого спектакля в истории не только МХАТ, но и всего советского театра. Большевикские идеи революционного переустройства мира, идеи советского патриотизма и пролетарского интернационализма озарили спектакль ярким светом большой, возмужавшей правды.

Быллов — Вершинин, Хмель — Песелев, Баталов — Василья Окорок, Келаров — Келаров — все эти образы по праву считаются классическими созданиями советского театрального искусства.

Совместный труд МХАТ с Всеволодом Ивановым дал «Бронепоезд» был только началом той огромной работы, которую проделал Художественный театр для приращения советских писателей к созданию современного репертуара. МХАТ превратился в своеобразную лабораторию советского драматургии. Иванов, Тренев, Деппов, Катаев, Афиногенов, Корнейчук, Вирта, Погодин, Симонян, Крон — таковы неполный перечень писателей, творения которых увидели свет на подмостках Художественного театра. Вслед за «Бронепоездом» театр в творческом сотрудничестве с драматургами создал целый ряд выдающихся спектаклей: «Дядя Ваня», «Стар», «Платон Кречет», «Земля», «Глубокая разведка».

Творческие успехи МХАТ в создании современного и классического репертуара — яркое выражение мудрости и полноты театральной политики советского государства и великого друга искусства — товарища Сталина. Партия твердой рукой поддерживала театр, воплощающий лучшие традиции русского реалистического искусства. Великая роль МХАТ в борьбе, которую партия великого вола и велел против всевозможных проявлений бездельного формалистического штудирования в театральном искусстве.

С таким же успехом мастера Художественного театра все более проникаются великими идеями партийности искусства. МХАТ становится большой и активной силой в грандиозном деле коммунистического воспитания народа.

Колоссальный творческий опыт МХАТ, творчески обогащенный в трудах Станиславского и Невроу-Данченко, давно стал незаменимой основой воспитания актера и создания спектаклей.

Значение Художественного театра для развития всей советской театральной культуры огромно. Влияние МХАТ на весь многонациональный театр страны социализма велико и многообразно.

Театр Союза ССР...

МХАТ — единственный из драматических театров, который удостоен права так называться. Действительно — это поистине театр асенозного масштаба и значения, театр, всесоюзно признанный и любимый.

Все мы помним, что тому уже более десяти лет, как начинался во всех газетах сообщать ТАСС о премьеры «Вехи Баранов». Сообщения назывались: «Большая творческая победа МХАТ СССР им. Горького». «Успех премьеры был исключитель-

ный, — говорилось в сообщении. — Приступившие на спектакле товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов и Жданов горячо аплодировали вместе со всем залом».

Великий Сталин и его соратники, горячо аплодирующие вместе со всеми артистами замечательному мастерству мхатовцев, — в этом нельзя не увидеть символ всесоюзного признания и всесоюзной любви к Художественному театру Союза ССР.

Высокая оценка МХАТ советским народом нашла яркое выражение и награждением театра двумя орденами. К названию театра добавились гордые слова: орденов Ленина и Трудового Красного Знамени...

Художественный театр был задуман его основателями как театр общедоступный. Революция осуществила мечту основателей театра. По теперь Художественный театр стал больше, чем общедоступным: он стал общенациональным.

За годы советской власти МХАТ сыграл более 16 тысяч спектаклей. Это значит, что в креслах Художественного театра не побывали миллионы советских людей.

Лучшие спектакли МХАТ — это всегда открытие. Творения МХАТ обогащают, возмужают веру в творческие силы человека, в историческую правоту и необходимость нашего великого дела. Правильность, искренность, идейность — вот что такое спектакль Художественного театра.

Стоит советскому человеку, где бы он сейчас ни жил — где-нибудь на Курильских островах, или в жарких степях Таджикистана, или в Берлине — стоит ему только вспомнить свое посещение Художественного театра, как сразу становится празднично и светло. Непременно скажет человек: приеду в Москву — обязательно снова схожу в Художественный...

Как много говорит каждому советскому человеку имена Качалова, Москвитина, Леопольда, Тарханова, Клиппер-Чеховой... Сколько незабываемых образов воскресает в памяти при упоминании каждого из этих имен! А творцы искусства мастеров МХАТ — полюбленные, возвращенные Октябрь — Хмель, Барто, Тарасова, Дюбровицкая, Тониров, Ливанов, Ямпил, Чейан, Прухнин, Орлов, Андреевская, Елскалска, Степанова, Массальский, Попов, Кирюшин...

С радостью чуть ли не в каждой новой постановке зрители узнают новые лица себя имена талантливых исполнителей. Это — молодежь МХАТ, его будущее, достойные преемники славы первых двух поколений.

Советские люди привыкли видеть и спектакли МХАТ правдивую и талантливую художественную историю своих лет и людей. И в годы войны, когда советские люди сражались за честь и независимость своего отечества, Художественный театр сумел отразить героизм народа в таких выдающихся спектаклях, как «Русские люди» Б. Симонян, «Фронт» А. Бореичука, «Офицер флота» А. Броня, а затем, уже после войны, — «Победителя» Б. Черкова и «Дни и ночи» Б. Симонян. Закономерное стремление советского народа видеть на сцене своего театра правдивые, глубокие и яркие картины современности выразили Центральный Комитет нашей партии в своем историческом постановлении «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». На выполнение требований партии с полным сознанием своей ответственности упорно трудится сейчас коллектив Художественного театра.

Великая социалистическая революция не только спасла Художественный театр от гибели, но и создала условия для повального его расцвета. Художественный театр — явление социалистической культуры, она слава, она гордость.

МХАТ давно уже стал явлением мирового масштаба. Заграничные гастроли в 1922—1924 гг., а затем поездки театра на всемирную выставку в Париже в 1937 году окончательно утвердили его всемирную славу. Честные зарубежные художники единогласно признают советский театр лучшим театром мира. Все, что есть в современном западном театре передового и прогрессивного, развивается под влиянием театральных идей Станиславского и Невроу-Данченко.

Имени Горького

Присвоение Художественному театру имени великого пролетарского писателя было актом, знаменательным во многих отношениях. Это было для театра одновременно и признанием в программном.

Это было, прежде всего, признанием неразрывной органической связи лучшего русского театра с русской литературой. Это было признанием исторической роли Художественного театра в рождении драматургии Горького. Это было признанием того, что общественно-политическая линия в МХАТ, главным начинателем и создателем которой был Горький, стала ведущей, определяющей линией советского Художественного театра.

Это было для театра программой, ибо не только почетно, но и ответственно считать свои основополагающие социалистические реалисты, первооткрывателя новой эпохи в истории мирового искусства.

Театр отвечает созданию целой серии новых горьковских спектаклей — «В людях», «Егор Бузыкин и другие», «Дети в деревне», «Враги». Эти спектакли, особенно последний, являлись подлинными творческими горьковскими идеями и горьковским творческим методом на сцене МХАТ.

Но не только пьесы Горького сумели прочесть театр по-горьковски. По-горьковски были заново прочитаны и Чехов, и Толстой, и Гребенцов, и Островский: действенная ясность, четкость социальной характеристики, политическая страсть — те черты, которыми отмечены новые работы театра на язык Горького. К горьковскому строгости театр и в своей работе стал строгим драматургом. Создание советских классиков — вот задача, которая поставила перед театром, как Художественный. Имя Горького объясняет его этому.

Недавно я узнал потрясающую новость. Подполковник Середя, испытатель обыкновенного самолета По-2, выходя на нем «бочки», «пимельманы» и другие фигуры высшего пилотажа. Эту «новость» сообщила читателям Б. Колоколов в своей повести «На лесных аэродромах», опубликованной в восьмом номере журнала «Знамя».

За десять лет своей летной работы мне впервые довелось услышать подобное. Б. Колоколов в своем повести «На лесных аэродромах», опубликованной в восьмом номере журнала «Знамя», совершенно не приспособлен. Заставить его крутить «бочки» мог разве только человек, неумеренно хваставший или элементарно невежественный в вопросах авиации.

Б. Колоколов, беззастенчиво оперируя набором специальных выражений, пытается описать боевую жизнь летчиков. Вот пример: повествова о воздушном бое самолета ЛаГ с «Мессершмиттом». Колоколов пишет: «В эту минуту ЛаГ сделал полтора витка штопора, непоправимые, страшные полтора витка. Он тогда увернулся от новой трассы, заложили слишком резко вираж, и сила инерции бросила машину в штопор». А несколькими строчками выше автор сообщает, что летчику «сильно мешала низкая облачность».

Полтора витка штопора на самолете ЛаГ требовали минимально 1000—1100 метров высоты, так что при низкой облачности их сделать никак нельзя было. И уже совершенно непонятно, о какой силе инерции толкует автор: каждому авиационисту известно, что в штопор самолет подпадает не под действием силы инерции, а из-за так называемой авторотации крыла. Б. Колоколов изумляет нас и другим сообщением: оказывается, самолет По-2 имеет два руля поворота — левый и правый. Герои повести запросо пользуются форсажем мотора при взлете, хотя известно, что на самолете По-2 форсаж не предусмотрено конструкцией мотора. Как говорится, «слышал звон, да не знает, где он».

Много еще подобных неблизких можно встретить в повести. Невольно приходит мысль, что автор, кроме штабной землянки и бань, которые, надо отдать справедливость, описаны весьма правдоподобно, ничего на аэродроме не видел, и поэтому его повествование не соответствует жизненной правде.

Командир части, подполковник Середя, показан автором, как безответственный офицер. Весь его полк летает на неисправных самолетах, у которых «...все чаще стали появляться отказы механизмов управления». Автору, берущемуся за авиационную тему, следовало бы знать, что отказы рулей — явление недопустимое, чрезвычайное редкое, как правило, приводящее к катастрофе. Только трагическое происшествие с Цветковым (один

из героев повести) заставляет подполковника Середу поставить самолеты на ремонт, хотя о «заданиях» он знал раньше, с. если верить автору, умел даже обнаруживать их, наблюдая с земли за пролетающими самолетами (это уж совсем «развешенная клюква»).

Воспитатель Середя тоже плохой. Никем нельзя объяснить его решение допустить в выполнение ответственного задания летчика, проявившего трусость. Чтобы понять, почему Середя дает ему приказ сделать два круга над аэродромом, после чего тот сразу же улетает на выполнение задания. Чуть бы каля-то, а не воспитание!

Фальшиво нарисован не только образ офицера Середи, но и его подчиненных. Летчик в повести не умеет провести самолет по заданному маршруту без помощи штурмана. Может ли это быть в жизни? Такого летчика просто не ставят держать в части.

Нет надобности продолжать примеры; приведенных достаточно, чтобы убедиться, что автор, вместо правдивого изображения боевой жизни летчиков в Великой Отечественной войне, дал пародию на живых людей.

Не считая себя достаточно компетентным в вопросах стилистики, я все же позволю заметить, что такие языковые перлы, как: «держательная поверхность», «слезы без высоты», «шуги, как цепи; держат машину в воздухе» и т. п., отнюдь не украшают повествования.

Авиационная тема — нужная и важная, до сих пор она недостаточно отражена в литературе, однако это не дает права редакции журнала «Знамя» печатать вместо настоящего литературного произведения скверный суррогат.

Герой Советского Союза
гвардии капитан Д. ЗЮЗИН

Редация получила также письмо от майора Е. Дырина, в котором говорится о том, что «Знамя» допустило серьезную ошибку, опубликовав повесть Б. Колоколова «На лесных аэродромах».

Б. Колоколов, в погоне за «сориальными» ситуациями, не замечает того, что командир полка и летчик выступают у него в далеком не выгодном свете, — пишет Е. Дырин. — Рефлексия и малодушие, вечные ожидания того, что летчик не выполнит задания или погибнет, отличают этого командира. В своей повести автор оправдывает трусость и суеверие, — продолжает Дырин. — Нельзя без раздражения и стыда читать о том, как летчики старательно обходят место гибели товарища. Мы не верим, что Б. Колоколов встречал таких летчиков среди бойцов нашего Воздушного Флота».

Далее сказано, что весной 1943 года, после выхода из госпиталя, я замечал командира аскариды. Но ведь в раз 17 декабря 1941 года, а в феврале 1942 года снова детал. Зачем же военная литература «держат» меня год в госпитале? Не понимаю, в чему вы требовали в этой же фразе «снизить» меня с должности командира полка в заместителя командира аскариды? Дело, конечно, не в самолетах, а в точности.

Для того чтобы «конкретизировать» мою работу как депутата Верховного Совета СССР, редактор книжки написал такую фразу: «Он часто посещает своих избирателей в Салтинском районе». Признаться откровенно, — ни разу в жизни не был в Салтинке. Прочитать на нем — пролетать, а быть — не был. Да и что мне тут делать в «своих» избирателях, когда они избиратели находятся в другом месте, в противоположной стороне. А в Калининском избирательном округе, куда входит Салтинский район, депутатом Верховного Совета СССР был избран председатель колхоза тов. Пименов.

В заключение хочу сказать, что приведенные выше не исчерпывают всех отступлений от истины, опущенных издателем в книжке. И книжка-то маленькая, всего 20 страниц, а раздана огромный корб.

Спрашивается: зачем потребовалось издательству без ведома автора допустить книжку некими прибавками, от которых краснеет и автор майор А. Бурин и я? Депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза гвардии полковник П. ПИЛЮТОВ

Виноваком грубым искажением в книге о жизни Героя Советского Союза П. Пилютова в первую очередь является член Союза советских писателей Б. А. Ваделин, которому доверено издательство поручило литературную обработку рукописи майора А. Бурин. Перу Б. А. Ваделина я принадлежат все те вымыслы и домыслы, все те «литературные красоты», о которых пишет тов. Пилютов и которые превратили нужную и полезную книгу в недопустимый литературный брак.

За допущенный брак несет ответственность также и редактор книги А. В. Богина.

Наконец, виновато и руководство Военного издательства, допустившее такую систему, при которой оказался возможным выход в свет книги непроверенной, не согласованной с автором.

из героев повести) заставляет подполковника Середу поставить самолеты на ремонт, хотя о «заданиях» он знал раньше, с. если верить автору, умел даже обнаруживать их, наблюдая с земли за пролетающими самолетами (это уж совсем «развешенная клюква»).

Воспитатель Середя тоже плохой. Никем нельзя объяснить его решение допустить в выполнение ответственного задания летчика, проявившего трусость. Чтобы понять, почему Середя дает ему приказ сделать два круга над аэродромом, после чего тот сразу же улетает на выполнение задания. Чуть бы каля-то, а не воспитание!

Фальшиво нарисован не только образ офицера Середи, но и его подчиненных. Летчик в повести не умеет провести самолет по заданному маршруту без помощи штурмана. Может ли это быть в жизни? Такого летчика просто не ставят держать в части.

Нет надобности продолжать примеры; приведенных достаточно, чтобы убедиться, что автор, вместо правдивого изображения боевой жизни летчиков в Великой Отечественной войне, дал пародию на живых людей.

Не считая себя достаточно компетентным в вопросах стилистики, я все же позволю заметить, что такие языковые перлы, как: «держательная поверхность», «слезы без высоты», «шуги, как цепи; держат машину в воздухе» и т. п., отнюдь не украшают повествования.

Авиационная тема — нужная и важная, до сих пор она недостаточно отражена в литературе, однако это не дает права редакции журнала «Знамя» печатать вместо настоящего литературного произведения скверный суррогат.

Герой Советского Союза
гвардии капитан Д. ЗЮЗИН

Редация получила также письмо от майора Е. Дырина, в котором говорится о том, что «Знамя» допустило серьезную ошибку, опубликовав повесть Б. Колоколова «На лесных аэродромах».

Б. Колоколов, в погоне за «сориальными» ситуациями, не замечает того, что командир полка и летчик выступают у него в далеком не выгодном свете, — пишет Е. Дырин. — Рефлексия и малодушие, вечные ожидания того, что летчик не выполнит задания или погибнет, отличают этого командира. В своей повести автор оправдывает трусость и суеверие, — продолжает Дырин. — Нельзя без раздражения и стыда читать о том, как летчики старательно обходят место гибели товарища. Мы не верим, что Б. Колоколов встречал таких летчиков среди бойцов нашего Воздушного Флота».

Далее сказано, что весной 1943 года, после выхода из госпиталя, я замечал командира аскариды. Но ведь в раз 17 декабря 1941 года, а в феврале 1942 года снова детал. Зачем же военная литература «держат» меня год в госпитале? Не понимаю, в чему вы требовали в этой же фразе «снизить» меня с должности командира полка в заместителя командира аскариды? Дело, конечно, не в самолетах, а в точности.

Для того чтобы «конкретизировать» мою работу как депутата Верховного Совета СССР, редактор книжки написал такую фразу: «Он часто посещает своих избирателей в Салтинском районе». Признаться откровенно, — ни разу в жизни не был в Салтинке. Прочитать на нем — пролетать, а быть — не был. Да и что мне тут делать в «своих» избирателях, когда они избиратели находятся в другом месте, в противоположной стороне. А в Калининском избирательном округе, куда входит Салтинский район, депутатом Верховного Совета СССР был избран председатель колхоза тов. Пименов.

В заключение хочу сказать, что приведенные выше не исчер

Маневры американских атомщиков

Первым вопросом в политическом комитете Генеральной Ассамблеи обсуждается проблема атомной энергии.

Как известно, в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи от 24 января 1946 года, была создана комиссия для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии, и других связанных с этим вопросов. Главной задачей этой комиссии была подготовка меморандума по использованию на национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, предназначенных для массового уничтожения. Комиссия по атомной энергии работала тридцать месяцев, провела многочисленные заседания, но не пришла к согласованным решениям.

Основная тенденция американских представителей, выраженная в так называемом плане Баруха, заключалась в том, что главное внимание обращалось на установление контроля над производством атомной энергии. При этом контроль мыслился по стадиям, а первой стадией устанавливался добыча атомного сырья. Этот контроль основывался на грубом вмешательстве международного (читай — проамериканского) контрольного органа во внутренние дела и в экономическую жизнь любой страны. Смысл американского плана в том, чтобы обеспечить американским монополистам и милитаристским кругам возможность блокировать всякое развитие атомной науки в других странах и сохранить как можно дольше свое превосходство в производстве атомного оружия, предназначенного для осуществления агрессивных, преступных замыслов.

Прямых и неопровержимых доказательств коварной агрессивной политики американских реакционных кругов в атомном вопросе является их отказ от запрещения атомного оружия и изъятия его из национальных вооружений. Всякий раз, когда советские представители в атомной комиссии призывали к смене американских атомщиков, они меняли тактику и начинали твердить о присутствии баруховского контроля по стадиям, увиливая от главного — от запрещения атомного оружия, без чего беспредметным становится сам контроль.

Эту порочную линию американская дипломатия продолжает и на нынешней сессии Генеральной Ассамблеи.

Последние три дня прений в политическом комитете свидетельствуют о том, что американская дипломатия хочет продемонстрировать формальное одобрение ее атомной политики так называемым большинством Ассамблеи. В этом сводился и прежняя тактика, когда, загнав в тупик атомную комиссию, представители США отказались искать действительных путей разрешения проблемы атомной энергии и интересов мира и безопасности, а настояли на передаче трех докладов комиссии на обсуждение Генеральной Ассамблеи.

Первым оратором был выступил в прошлую пятницу представитель «нейтральной» Канады генерал Макнотон. Несколько не стеснялся, канадский генерал назвал еретическими все внесенные в свое время представителями СССР предложения о немедленном запрещении атомной бомбы и об уничтожении всех существующих запасов атомного оружия в течение трех месяцев со дня заключения соответствующей конвенции. Вслед за тем Макнотон внес проект резолюции, в которой воспроизводятся клеветнические утверждения американских атомщиков о позиции СССР и предлагается одобрить американский план, который изложен в докладах атомной комиссии и призван служить ширмой для новой гонимости атомного вооружения.

Канадскую резолюцию немедленно поддержал американский делегат Остин, а за ним устремились, как по команде, бель-

гиец Роллен, француз Рамадье и англичанин Макнейл. Эта «тройка», вандушная небезызвестным сепаратом в пилндре, отгараповала по заранее утвержденной программе.

Назвавший себя «юным социалистом» Макнейл и бывший социалист Рамадье сказали то, что было угодно американскому республиканцу Даллесу. Шумная и пустая речь Рамадье послужила объектом для карикатур во французских газетах. «Юманисте» изобразила его в костюме Тарара из Тараскона, с которым остроумно сравнил французского оратора А. Я. Вышинский. Юное лейбористское дарование Гектор Макнейл попытался жульнически извернуть решение Генеральной Ассамблеи от 24 января 1946 года, будто бы предусматривавшее, по его словам, тот пресловутый контроль по стадиям, который не без умысла стремятся протолкнуть американские атомщики.

Маневры американских атомщиков разоблачили в своих выступлениях 1 и 2 октября глава советской делегации А. Я. Вышинский. Он четко и ясно изложил позицию СССР в атомном вопросе. Прежде и раньше всего нужно во всеуслышание запретить использование атомного оружия, как оружия агрессии и массового уничтожения людей. «... Без запрещения атомного оружия», — сказал А. Я. Вышинский, — всякие разговоры о контроле над использованием атомной энергии были бы лишь средством обмана народов, рассчитанного на то, чтобы служить дымовой завесой, за которой скрывается от глаз народов гонимости атомного вооружения». Что касается контроля, то такой контроль безусловно необходим, «строгий международный контроль», о котором сказал Генеральный секретарь ООН в 1946 году. Советские представители в атомной комиссии также отстаивали необходимость такого контроля над атомной энергией, но они никогда не открывали его от главного — от необходимости запрещения атомного оружия.

Остуж, как неприменяемую, канадскую резолюцию, поддерживавшую проамериканский большинством, советская делегация внесла свой проект резолюции по докладу атомной комиссии. Советский проект предусматривает продолжение деятельности атомной комиссии на основе тех решений, которые уже вынесены Генеральной Ассамблеей в 1946 году. В соответствии с этим Совет Безопасности и атомная комиссия должны подготовить проекты конвенций о запрещении атомного оружия и конвенции об установлении эффективного международного контроля над атомной энергией. Эти конвенции должны быть подписаны и введены в действие одновременно.

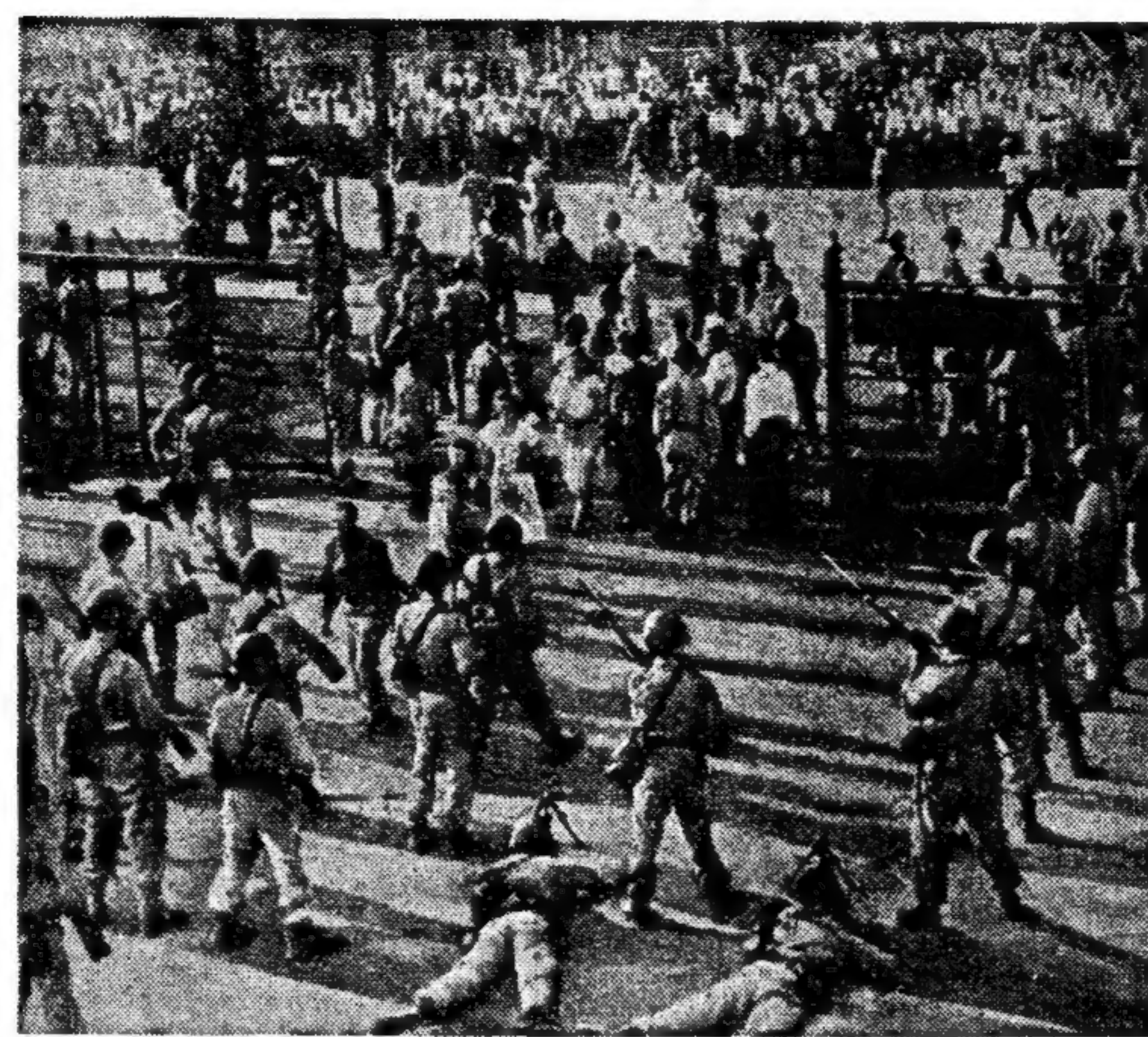
Советские предложения напосадают новый удар по американской атомной дипломатии и той жульнической пропаганде, которая пытается изобразить СССР в виде противника международного контроля.

Прения в политическом комитете подошли к концу. Выступившие сегодня представители Канады, Филиппин, Сальвадора и Австралии в своих речах называли себя защитниками американскую точку зрения. Советская делегация настаивает на необходимости дальнейшего сотрудничества для разрешения атомной проблемы в миролюбивых целях. Можно предсказать, что и на этот раз послушная машина гологования протолкнет ту резолюцию, которая будет ей предложена.

Но механизмы голосования не в состоянии изменить моральную победу, которая на стороне советской делегации и всех тех, кому дорого дело мира и международного сотрудничества.

Г. ПЕТРОВ

ПАРИЖ, 5 октября. (По телеграфу).

Борцы не сложили оружия

Ф. КЕЛЬИН

Над франкской «Голубой империей» нависла глупая, беспросветная ночь, ночь кровавых преступлений и смерти. Но вольнолюбивый испанский народ победы не сложил. «Испания не умерла!» — назвала свою новую поэму талантливый поэт Антонио Аларисо, год назад брошенный в тюрьму чилийским тираном Гонсалесом Виделой и лишь недавно выпущенный на свободу. Безразличную картину рисует Аларисо в начале поэмы:

В Испании, как только ночь
На землю ляжет, убивают
Кого-нибудь в тюрьме, и стоны
Несутся к звездам...

А меж тем палач
Спокойно спит... Кругом видны распутища.
Клубится дым, ярок блеск свечей...
Убьют спит спокойно: он уверен
Ему помогут. Папа шлет из Рима
Ему благословение: «Убийца,
Мой верный сын, кровавый каудильо»...

Из Вашингтона человек, с лицом
Холодным, как револьвер, позывает
На месте преступлений, поджаривает:
«Да, убивай, ты можешь убивать,
Кровавый каудильо»...

Вашингтон
Тебе заплатит. Папа даст все
Благословение... Благородный кровью,
Испанский кровью все залосна
Теперь земля. Стад черным камнем...

Голы.
Век веков вам не удастся смочь,
Стереть следы ужасных преступлений...

Поэт оплакивает бесчисленные жертвы испанского народа. Он вспоминает своего отца, «простого и доброго человека», умершего во франкской застенке, вспоминает Агустина Сороса и других героев испанского Сопротивления, замученных палачами Франко. Но в поэме Аларисо нет отчаяния.

В одной из глав поэмы Аларисо провозглашает подвиги испанских партизан. «Сердцем в янтарь в горах, на холмах», — говорит поэт, — я чую бурю. Вот она уже близка. Вижу ваши ястребы. Красным знаменем они вознесены к небу...»

Таков лейтмотив не только новой поэмы Аларисо, но всей передовой испанской литературы наших дней. Об этом очень убедительно свидетельствует и цикл романов-репортажей о войне (1936—1939 годы) крупного прозаика народный Испании Мануэля Д. Бенавидеса, скончавшегося в 1947 году в Мексике, и партизанская повесть Хосе Эррера Петере, и статьи, песни, рассказы и стихи Сесара М. Аркоча, и драмы Макса Ауба и Хосе

Бергамини, и роман «Против ветра и прилива» Марии Тересы Леон, и поэмы Педро Гарраса, Рафаэля Альберти, Артуро Серрано Палия, Лоренса Варелы и других. Никакие компромиссы, борьба до победного конца! — вот основная мысль всех этих произведений.

Писатели борются вместе со своим героическим народом против мадридского тирана. Это приводит в ярость «каудильо» и его иностранных союзников. Они пытаются убить в испанском народе и в писателях республиканской Испании веру в целесообразность дальнейшей борьбы. Пролазные писатели всех мастей по приказу Уола-стрита и Сити дружно клеветают на испанскую освободительную войну, рисуя ее как «хаос». С особым усердием они чернят и порочат образ испанского героя, извращая смысл его революционного подвига. Но на полке бормотанье присяжных клеветника лондонского радио — Сальвадора де Мадрига, на беспринципность и лицемерие престарелого писателя Хасанта Бенавенте, который в своей последней комедии «Отречение» выступил в качестве запитника позорнейшего соглашательства, передовой испанская литература отвечает пламенным призывом к сопротивлению. Ее героями в наши дни стали борцы за свободу и счастье испанского народа — Кристин Гарсия, Мануэль Понте, Агустин Сорос...

Новый положительный герой испанской литературы, рожденный политической действительностью наших дней, смело идет на смерть во имя великой идеи, твердо верит в грядущую победу. Гибель героя рождает в писателе бездонные слезы, а активный, реальный протест. В поэме «Агустин Сорос» Хосе Эррера Петере призывает испанский народ не плакать, не отчаиваться, но отомстить за пролитую кровь лучших сынов Испании.

Герои народной Испании знают, что они не одиноки, что зоры миллионов честных людей во всем мире обращены к ним с глубокой симпатией, и это придает им новые силы. Они помнят вешние слова товарища Сталина: «Освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело

врагов и призывая всех честных людей бороться за свободу и строить новую светлую жизнь».

Не желая, видимо, прямо уличить поэта в мистификации, Фикари сказал, что советский поэт не совсем понял слова песни. Селим, похоже, только этого и ждал.

— Разве это не правда, что я был бы журналистом при моем понимании политики, будь я только грамотным и помоложе годами?

Я не умею передать словесный ход этого шутливого приема, употребленного Селимом, но там он вызвал веселый смех и характерное причмокивание языком — знак похвалы уважному слову.

Поэт сидел, удовлетворенно ухмыляясь и равнодушно склонившись ухом в мою сторону, словно наблюдая за точностью русского перевода своих слов.

Пашуван у порога свои ботинки, я вышел в открытые сени, называемые диваном. Из второй двери, выходящей на эту площадку, был красный, восторженный свет. Я заглянул туда. На полу комнаты лежали крупные красивые голыши большого кота, вокруг склонились фигуры мужчин и женщин. На длинном деревянном вертеле, протянутом во всю длину передние в задние ножки, жарилась баранья тушка. Я сказал Фикари, выпешелу за мной следом, что если он знал об этой затее, то должен был помешать ей: ведь это не от избытка, а же только что слышал, что в деревне очень мало овец.

Об этом вечном говору: мы здесь только гости, — строго сказал Фикари.

Было уже далеко за полночь, когда позвал этого барана, выставляя на ковре низкий круглый столик. Бекри разлил бережный остаток вина из той же бутылки: досталось, может быть, меньше, чем по одному глотку, но провозглашение тоста и поднятие бокалов происходило с большой торжественностью и соблюдением формы.

Селим, закусив со всеми, отсел от стола и начал опять потихоньку раскачиваться. Все перестало есть.

Он сочиняет новую песню.

Селим, покачиваясь, шепеляв губами и поглядывая в мою сторону с каким-то особым, обещающим выражением веселого озорства.

Американский «демократический» образ жизни

Херстовская газета «Дейли мир-рор» 4 августа этого года выступила с очередной статьей, восхваляющей пресловутые американские свободы. Особенное внимание херстовские писатели уделили молодому поколению. Они потребовали, чтобы юные американцы учили «американизму» и «демократическому образу жизни».

Но здесь же, на соседней странице, сама же газета не подорожала, давая уничтожающую документальную характеристику «американизму». Серия фотоснимков, один из которых мы сегодня публикуем, рассказывает о зверском подавлении забастовки на оптическом заводе «Юнион ленси компани». Полуотраженный отряд национальной гвардии со штыками наперевес и пистолетами в руках идет в атаку на рабочих, повинных только в том, что они не хотят голодать. Трудно подобрать более убедительное доказательство «преимущества» американского образа жизни, чем эти фотоснимки, пахнущие кровью простых людей Америки!

Жанр литературного портрета

Комиссия по теории литературы и критике ССП обсуждала монографическое очерки о творчестве советских писателей, напечатанные в толстых журналах в 1947—1948 гг.

Статьи подобного рода — литературные портреты — должны дать читателю яркое представление об идейном облике писателя, раскрыть своеобразное его дарование, нарисовать его творческий путь. Серия таких статей позволит накопить материалы для создания истории советской литературы, до сих пор еще не написанной.

Однако опубликованные литературные портреты еще не удовлетворяют требованиям, предъявляемым к этому жанру.

Докладчик Л. Скориню говорила о серьезных недостатках статей С. Васильева о В. Лебедеве-Кумаче («Октябрь» № 1, 1947 г.), Н. Павловых о М. Исаковском («Октябрь» № 2, 1947 г.), Г. Колесниковой о В. Бахметьеве («Октябрь» № 3, 1947 г.). По мнению докладчика, статьи поверхностны, в них не раскрыта творческая эволюция художника. Глубокая партийная характеристика идейного облика писателя подмечена эмпирическим описанием отдельных сторон его творчества.

Более развернутые очерки К. Зелинского об А. Фадееве («Новый мир» № 2, 1947 г.), Б. Брайниной о Фелине («Новый мир» № 10, 1947 г.) интересны обилием фактического материала, часто совершенно нового, подробным и последовательным анализом творческой эволюции писателя. Однако и в этих статьях есть существенный недостаток: в них не показано, как в борьбе с враждебными влияниями и течениями развивалась и крепло творчество советских писателей. К. Зелинский только коротко, коротко упомянул об ошибках романа «Молодая гвардия» в части, изображающей большевиков.

Положительные оценки Л. Скориню литературного портрета «А. М. Горький» И. Сергеевского («Октябрь» № 3, 1948 г.), живое воссоздание творческого облика Горького — художника, публициста и общественного деятеля.

З. Келлерна подвела резкой критикой некоторые литературные портреты, написанные в юбилейном духе и представляющие собой, по выражению докладчика, нечто среднее между некрологом и панегириком.

Творческий путь писателя здесь вскользь вырывается и инвентаризуется, ошибки и художественные недостатки сглаживаются или попросту опускаются. Писатель превращается в некий идеал совершенства. Такими статьями И. Гринберга и Е. Лобина об А. Прокофьеве («Звезда» № 9, 1947 г.) и уже упоминавшийся очерк С. Васильева, о В. Лебедеве-Кумаче.

Даже серьезные литературно-критические статьи не свободны от влияния этих «юбилейных» традиций. Они частично проявились в очерках Б. Брайниной о К. Фелине, В. Шеринина об А. Фадееве («Звезда» № 7, 1947 г.), К. Зелинского о том же писателе.

В прениях по докладу приняли участие И. Лемель, К. Зелинский, Л. Бать и Г. Леонов.

Е. Ковальчик подчеркнула, что монографические очерки должны прежде всего показывать, как плодотворно усвоили принципы партийности, способствовали идейному и художественному росту советских писателей.

ВЫСТАВКА УКРАИНСКОЙ ГРАФИКИ НА УРАЛЕ

КИЕВ. (Нам корр.). Недавно большая выставка украинской графики направлена на Урал — в город Молотов. В выставке приняли участие лучшие мастера гравюры, эстампа, литографии, рисунка, представленные свыше 150 своих работ. Материалы выставки показывают серьезный труд народа Советской Украины, его знатных людей и украинский пейзаж.

Вторая выставка украинской графики успешно экспонировалась в Ашхабаде, а ныне переведена в Тбилиси.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Албанские записи

4. Песни Селима Хасани

Беседа шла, подали кофе в маленьких фарфоровых чашечках, дым от сигарет и трубок стоял над головами плотным слоем. Но все как будто собирание ждало чего-то. И я ответил про себя, что товарищ Бекри еще медлит достать припасенную им в эту дорогу бутылку вина.

— Смерть фашизму!
— Свобода народу!

Наклонясь, как бы от дыма, в незаметный правый угол комнаты прошел невысокий старик, в какой-то ватной телогрейке и с озабоченной пилюлей, пытаясь и весело поглядывая в сторону гостя.

Внезапно поздоровавшись со старшим в соборании.

— Селим Хасани, — представил его тот, кто до этого времени был старшим. — Партия, давай равный, сейчас ему 68 лет, он сторожит деревенскую кукурузу от диких кабанов, поэтому он опоздал немного.

— Да, — сказал Селим, расправляя усы и поглаживая седую щетину на впалых щеках и сукот подбородке, — я уже довольно стар. Таких стариков было только два в партизанах: я и еще один, он погиб в бою. Старая Берле лишилась мужа и сына.

— Эту женщину, — добавил он себя перерыв, — вы видели при входе в Братый, — она стояла с другой, помоложе, и курела. Когда сын ее был убит оккупантами, муж сказал: теперь моя очередь воевать. И ушел в отряд.

— Это тот Селим Хасани, — спросил я, — что сложил песню про Лазе Нуру?

— Да, тот, во он сложил не одну песню. Он поэт, и ему принадлежат слова многих песен, что поют в Братый.

Старик сидел, как все, полноразмерный под себя, и, наклонив голову в см. «Литературная газета» № 78 и 79.

заносительной пилотке, с добродушным, синкопическим лукавством вслушивался, что о нем говорили.

Бекри Юсуфов принес на машинке бутылку, разлил коньяк по кофейным чашечкам и когда, после обстоятельного тоста, все выпили, Селим откатился и посмотрел в сторону гостей.

— Он будет пить.

Он качнулся грудью к сидящим перед ним оловянным чашкам и чуть подвинул вверх подбородок, как бы призывая всех возглаговаться к песне, и, покачиваясь, зашел.

— Бекри и Палларис хотят похвалить Албанию... Я успею записать перевод этой первой строки и уверяю, что речь идет именно о Бекри и Палларисе, а хор еще тонул ее, повторяя в третий раз, может быть, четвертый раз. И тут нужно было посмотреть на лица поющих.

— Бекри и Палларис хотят похвалить Албанию... — Лица при этом последовательно выражали в простейшем недоумении, недоверии к самому факту подобного измерения и, затем, возмущение, оскорбленность чувства и, наконец, грозный протест.

А лицо Селима тем временем уже выражало некое хитрое торжество: пусть, мол, они собираются похвалить Албанию, и следующая строка уже прямо оправдывала это торжество.

— Мы имеем «своих друзей» — Россию и Сталина... — Лица при этом последовательно выражали в простейшем недоумении, недоверии к самому факту подобного измерения и, затем, возмущение, оскорбленность чувства и, наконец, грозный протест.

Песня сменила песню, и нового человека в них поражающе обязательное наличие непосредственного политического актуального

содержания. Я попросил спеть какую-нибудь старинную песню, но и эта песня о трупеком иго каким-то образом под конец обернулась к современности. Древняя форма выражения насущных нужд, дум и надежд народа органически служила выражению небылого, нового политического сознания и была неразрывна с ним.

Товарищи, я буду пить недолго. Не скажу точка в точку. Пусть похлещут завидующие нам, Те, которые были баллистам. И все те, что предаст свободу И дружбу свободных народов, Как презренные Ранкович и Тито.

Так как проклятие по адресу этих людей прозвучало в начале песни, то последние строки уже как бы оставляли их в стороне.

Да здравствует Энвер И все милое силы, Все, что верен ему! Сталин велик, как мир, Он — первый в политике.

Песня имела успех, Селим Хасани был сам явно доволен ею и в дополнение к ней заявил на словах:

— Я слишком хорошо понимаю политику Сталина, и теперь меня в политике не собьет ни Трумэн, ни Бекри, никто.

Это было сказано так, как будто в задачу Трумэна или Бекри входило сбить в политике именно его лично, Селима Хасани. Безнадежность подобного намерения подчеркивалась хитрой и как бы сожалением об этих политиках улыбой пеземлемого в своих взглядах человека.

Я поднажал было, чтобы выйти похвалить, но тут Селим зашел снова.

Когда я был молод, Я был журналистом...

Так именно перевел Фикари начало этой песни, и на лице у него самого было недоумение, почти растерянность.

— Я не знаю, что он хочет сказать: как он мог быть журналистом, — ведь он неграмотный?

Дальше в песне говорилось о том, что Хасани писал статьи в газетах, разоблачал

Баллисты — буржуазные националисты, прислужники оккупантов.

— Он сочиняет песню для гостя.

Песня эта показалась мне похожей по началу и характеру исполнения на все другие, а судя по тексту, записанному мной, предполагаю, что в нее вошли строки из каких-либо других песен, но в ней действительно были слова о госте, приехавшем из Москвы в Братый, расправившемся о нуждах людей, о жизни. Последующие строки были как бы ответом на вопросы гостя:

У нас новый и свет и новая жизнь. В наших сердцах мы имеем Энвера. Энвер пошел к Сталину и сказал: — Мой народ был рабом фашистской Черепашки.

Сказанные вперед уже интерпретировали этот мотив: народ сбросил игоменное и строит новую жизнь. Но память суровых, неравных боев не покидала сердце поэта:

О, Албания многострадальная, Какая ты мужественная, В бой ты шла безоружной!

Бонив петь, Селим посмотрел на меня выжидательным взглядом, и Фикари, обменявшись с ним несколькими словами, сообщил мне:

— Поскольку он знает уже, что вы тоже поэт, он думает, что вы споете что-нибудь в ответ на его песню. Скажите что-нибудь.

Я сказал, что, к сожалению, не умею складывать стихи так быстро, и Селим с ласковой неуверенностью покачал головой, полагая, видимо, что я лишь из похвальной вежливости не желаю оспаривать первенство у него, старика.

Ужин кончился, подали воду для мытья рук, и народ стал расходиться. Селим остался после всех, внимательно смотрел, как нам стелили постели, изредка делая какие-то замечания. Мне пояснили, что по

• Так называли итальянцев, употреблявших черепашь в пищу.

старшинству он считает себя обязанным убедиться, что гости хорошо устроены на ночь, и только после этого попросился к вам.

Когда мы прощались и он взял мою руку обмениваясь сухими словами руками и так держал ее, стоя передо мной и заглядывая мне поверх головы в лицо, он показывал мне моего старшего, чем прежде. Он, должно быть, порядочно устал, а ему еще нужно было идти на свой пост в пещере. Песни отзвучали, праздник его закончился, и новое выражение старческой грусти выдалось теперь в его добрых, немолодых впалых глазах. Он держал мою руку и, кивком пригласив Фикари к разговору, спросил меня:

— Ты в Москве вспоминаешь меня хоть раз, или только здесь хвалял мои песни?

Это была шутка, но я улыбаясь при этих словах, но это была и просьба, и дружеский укор про запас.

Я указал на мою книжечку, в которой весь вечер записывал, в сказал, что не только буду помнить, но обязательно напишу о нем в газету.

Он усалил пожатием моей руки, встала е:

— Спасибо. Но ты правду правду, ничего не придумывай от себя для украшения правды. — И вслед затем глаза его оживились прежней лукавой искоркой, и он с профессиональной доверительностью подмигнул мне, как бы говоря, что мы-то, мол, с тобой отлично знаем, как это иной раз делается...

Затем он одной рукой наклонил легонько мою голову к себе, и мы приложились щекой к щеке слеза и слеза.

— Прощай. Живи долго.

Утром его уже не было в числе провожающих нас. Вышли по чашке кофе и наотрез отказавшись от завтрака, мы выезжали из Братый, чтобы, пользуясь утренней тенью в горах, к раннему полдню попасть в Валуно.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.

Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИНИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ, Л. ШАУМЯН.